

СОЦ. ЯНУТИЯ
ЯНУТСК.

26 ОКТ 40 8

В домике-музее Н. Островского

СОЧИ. Узенький переулок, необычайно тихий для этого шумного южного города. По обеим сторонам переулка—сады. Только что прошел дождь. Еще не высохли камни мостовой. Терпко пахнут цветы.

Маленький домик среди деревьев. Лестница, крытая веранда — и вот комната, в которой все: фотографии, рукописи, документы рассказывает нам о Николае Островском.

Закопченные, грязные стены. На полу—мусор, разбитые ящики. Самоварная труба. Это фотография, но вы чувствуете, как сыро и темно в этой комнате Шепетовского станционного буфета. Здесь началась трудовая жизнь Николая Островского. Ему было тогда 11 лет.

Умные, глубокие черные глаза смотрят на вас со стены. Островский в буденовском шлеме, шинели. Гражданская война. В тех местах, где недавно победным маршем проходила Красная армия, неся свободу и счастье нашим братьям—западным украинцам и белоруссам, 21 год назад сражался Николай Островский против польских оккупантов. Под Львовым он был ранен.

Киевские главные железнодорожные мастерские. Здесь работал Островский в 1921 году. Прекрасный комсомольский организатор, любимый товарищ и лихой баянист. Мало кто знает, что популярную в свое время песню «Наши паровоз, лети вперед, в коммуне остановка» сочинил Николай Островский.

На фотографии—лесная поляна. Зима, сосны запесены снегом. Наверно, тихий солнечный день. Но в те дни суровой зимы 1922 года бушевали в этом лесу метели. Сухие снежинки стеклянными осколками кололи лицо. Комсомольцы спешно строили железнодорожную ветку, чтобы доставить в город дрова. Без отдыха, без сна работал Островский. Здесь, в лесу, заболел он тифом.

1928 год. Это год начала литературной деятельности Николая Островского. Позади напряженная партийная, пропагандистская работа. Старые раны и тиф дают знать о себе: тяжелая болезнь, потеря зрения. «Физически потерял почти все, осталась только непопугающая энергия молодости и страстного желания быть чем-нибудь полезным своей партии и своему классу».

Он пишет «Как закалялась сталь». Под стеклом много рукописей. Это главы романа, продиктованные Островским. На рукописях много пометок, исправлений.

Островский был очень строг и придирчив к себе. Помните, как в романе литературный секретарь Корчагина говорит ему: «Чего вы хмуритесь, товарищ Корчагин? Вед написано же хорошо!»—«Нет, Гала, плохо,» — отвечает Корчагин.

Первое издание «Как закалялась сталь». Серый переплет; на обложке—ветка с набухающими почками и штыком. Большая часть первого издания была отправлена в Красную Армию.

В одной из наших газет, в коротенькой заметке сообщалось: в сумке красноармейца, убитого при штурме высоты Заозерной, нашли книгу Островского «Как закалялась сталь».

Книга первого издания. Она раскрыта, и на белом листе надпись: «Моей маме, бесценной ударнице и верному часовому. Н. Островский».

На алой бархатной подушке поблескивает золотом орден Ленина—высшая награда страны писателю-бойцу. Многочисленные подарки. Их прислали тульские оружейники, девушки из фабрики «Ленжет», учепые, красноармейцы, школьники. Массивные золотые часы от чехо-словацкого издательства. Письмо политзаключенных Болгарской тюрьмы, написанное биссерным почерком на тончайшей бумаге, тайком пересланное в СССР.

В комнате писателя висит под стеклом военная гимнастерка. В петлице—ромб. Островский имел звание бригадного комиссара. Он очень гордился этим званием.

Однажды группа красноармейцев, посетившая писателя, сказала ему: «Вы, Николай Алексеевич, бригадный комиссар нашей армии, который не знает, сколько у него в бригаде бойцов. Бойцы эти—ваши читатели. Их миллионы, их трудно считать!».

Максим Горький говорил, что есть два вида жизни: тление тусклое и яркое горение. Горением была жизнь Островского. Благородным, ярким, чистым горением. И он с гордостью мог сказать о себе словами Павла Корчагина: «Вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире—борьбе за освобождение человечества».

Покидаешь домик—музей, и еще долго остается в памяти образ мужественного, бесстрашного бойца-писателя Николая Островского.

Ю. ЦЕЛОВАЛЬНИКОВ.